

“несу фонарь на кладбище”

Танцовщик кордебалета Большого театра Никита Дмитриевский два года назад стал первым русским артистом, попавшим на стажировку во всемирно известный Театр танца Иржи Килиана (NDT). По окончании стажировки, несмотря на заманчивые перспективы (танцовщики, прошедшие школу Килиана, высоко котируются и легко находят работу в Европе), Дмитриевский вернулся в Большой. В результате сокращений в конце сезона 23-летнего Никиту из театра уволили. Как ему сказали — «за позицию». О своих отношениях с театром Никита Дмитриевский рассказывает корреспонденту Газеты Ольге Гердт.

В Нидерландах, я знаю, вы танцевали в довольно сложных балетах Иржи Килиана, Охада Нахарина. А чем занимались в Большом? Я ради смеха выписал себе этот репертуар. Вот что я делал. «Лебединое озеро»: двенадцать трубочек, стою на башне высотой десять метров. «Баядерка», восемь факиров, двенадцать копий — стою весь акт у четвертой кулисы. «Ромео и Джульетта», первый акт: сцена боя, умираю у четвертой кулисы, уносятся. Второй акт — танец с бубнами на мосту за сценой. Третий акт — свита герцога, несу фонарь на кладбище...

Впечатляет. А уволили вас за что? Формально — закончился договор, который я подписывал с театром. Но неофициально Борис Борисович Акимов, художественный руководитель балета, сказал мне: «Никита, твоя позиция театру не нужна».

Какую такую опасную позицию может транслировать артист с фонарем?

Я предлагал ввести некоторые изменения в подготовку артистов, хотел вести занятия по современному танцу. Потому что артисты балета в Большом сегодня не владеют телом и мышечным аппаратом так, чтобы это отвечало современным запросам.

Вы революцию пытались устроить? Я не собирался это делать в одиночку. Нужна целая программа подготовки артиста. Нельзя вот так вдруг переформировать базу, накопленную годами. Но в Большом театре сегодня никто не думает о завтрашнем дне, все зациклено на дне сегодняшнем. Я общался с людьми, которых выпускает хореографическое училище. Они слабо ориентированы в музыке, не знают современных хореографов, Голейзовского-то вспоминают с трудом. Что-то слышали о Бежаре и Форсайте. Голландская, европейская школы танца остаются без внимания. Такое ощущение, что в училище проходят сегодня тот минимум, который был заложен пятьдесят лет назад. Кроме того, что артисты теоретически не образованы, они не образованы физически. Да, они, конечно, могут сделать несложные па, вынести на сцену определенные вещи и постоять с копьём. Но этого уже слишком мало. Не удивительно, что зрители в итоге видят какую-то серую массу, которой заполняют пространство. Если мы это по привычке называем искусством, то только потому, что другого слова не знаем.

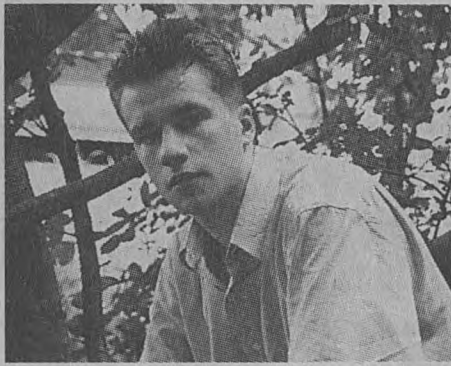
Понятная позиция. Но за это не увольняют. Формально все честно — ваш контракт закончился. И, как я понимаю, не вас одного сократили. Штат непомерно раздут. Сократили, кстати, не так много. Я знаю, что принято в театр нанять больше людей.

А это вряд ли можно назвать сокращением — тогда не набирали бы новых на те же места.

Сколько получает артист кордебалета? В среднем сто долларов. Сто-двести, колеблется от занятости. Очень много людей работает на стороне, но об этом, естественно, никто не говорит. Пропасть между заработком солистов и артистов кордебалета — огромная. Понятно, что мало кто в кордебалете заинтересован в работе. Большинство заинтересованы от этой работы откосить. Зачем в балете Ролана Пети вламывать так, чтобы уставать, когда можно постоять с копьём и получить те же пять долларов за выход?

Я разговаривала с Пети, он с симпатией отзывался о вас, хотя и выражал недоумение по поводу кордебалета в целом. Да, он сидел на моих репетициях, я общался с ним, показывал свои работы. Когда меня уволили, я ему позвонил — Пети сказал: как, у вас в труппе столько балласта, а уволили именно тебя? Летом этого года он звал меня приехать на фестиваль в Швейцарию, но поскольку я был в Большом театре, мне не было позволено делать проекты от собственного имени на стороне. Поэтому я отказался.

Не понимаю, вы же не штатный балет-мастер. Отрабатывали в театре, сделали вещь в свободное время — и поехали себе, хоть в Швейцарию... Это риторический вопрос. Любой поступок, который не укладывается в устоявшиеся поведенческие нормы, становится в театре поводом для обид, интриг, сплетен. Руководители не просто обижаются. Они обижаются как дети. Что бы ты ни делал, лучше поставить в известность — иначе скажут, что

ты использовал марку театра, артистов... Даже если ты этого не делал, скажут.

А вы делали? Все знали, что я ставлю номера для солистов балета. Им нужны новые номера — невозможно танцевать без конца в концертах один и тот же набор: «Умиравший лебедь» и так далее. Но, зная, как в театре относятся к подобным вещам, я каждый свой шаг оговаривал. Вплоть до абсурда — даже когда артисты других театров танцевали мои номера....

Борис Борисович видел ваши работы? Конечно. За два месяца до увольнения я показал свой балет на верхней сцене. Не было ни прессы, ни ядовитых критиков. Были только мамы-папы артистов. И это очень раздражило Бориса Борисовича. Он сказал: зачем ты всех назвал, а вдруг в прессу просочится, что Дмитриевский балет давал в Большом театре? Этого он почему-то больше всего боялся. Потом он сказал, что хореографа во мне не видит, что почерк мой малоинтересен и что все заимствовано с Запада. Еще сказал: если бы у тебя было имя, я бы на тебя еще посмотрел. А пока его нет, можешь развивать свои наклонности на периферии. Так и сказал: «наклонности».

Ну, положим, худрук балета имеет право отклонить любую постановку. Поскольку я с вашим творчеством не знаком, мне трудно судить, прав он или не прав. Но меня интересует другое: во многих европейских театрах, в том числе и в NDT, где вы стажировались, у молодых есть возможность хотя бы раз в год показать публике и прессе новые работы.

Это никому не нужно в Большом театре. Тактика театра — абсолютно парадная. Не важно, что идет на сцене, важно, что это правительственный театр. Важно, чтобы в репертуаре было какое-то количество красивых зрелищ, которые можно предложить в качестве культурного мероприятия для почетных гостей столицы. Есть установка: раз показывают на сцене Большого театра — значит это искусство. Это неправильная установка. Вот скоро откроют филиал — это здание меньше, чем театр Оперетты, который был филиалом. Оно вряд ли рассчитано на какую-то деятельность, выходящую за рамки фуршета.

Но если исходить из этой политики, то вас уволили правильно. Вы не думали, что это ваша ошибка? Если бы хотели ставить и танцевать другой репертуар, надо было искать другой театр. Может быть, другую страну.

Когда я уезжал в Голландию, тогдашний худрук балета Алексей Фадеев сказал: «Я тебе от души желаю там закрепиться, потому что для тебя на сегодняшний день в театре работы нет». Он сказал: «Этот гроб с места не сдвинешь». Но мне казалось, что я могу что-то сделать, что-то предложить. Я рвался в Большой полный надежд и проектов.

И что теперь? Они рухнули? Наоборот. Теперь у меня больше свободы действий.